

Новейшая история российско-японских отношений

Андрей Иванов

Не так много на свете стран, отношения с которыми России в силу тех или иных причин приковывали бы к себе пристальное внимание столь широких слоев общества, даже, казалось бы, далеких от проблем дипломатии. Япония в их коротком списке занимает, наверное, одно из лидирующих мест. Где-то за США и Китаем.

Разумеется, “Ветка сакуры”, “Японцы” или “Пятнадцатый камень сада Реандзи” немало поспособствовали подъему популярности Страны восходящего солнца еще у советского читателя.

Но признание правительства Михаила Горбачева наличия территориальной проблемы, провозглашение им курса на нормализацию отношений с нашим восточным соседом и последовавшие за этим крупные изменения в их характере вдруг сделали интересной для широкой публики не только японскую экзотику, но и, казалось бы, скучную для обывателя тему территориального спора. Он, а также и другие аспекты двусторонних отношений между Москвой и Токио, стали темой многочисленных публикаций. Однако их адекватность часто зависела как от степени компетентности авторов, так и от их политических пристрастий.

Очень не хватало объективного и компетентного исследования.

Теперь такой труд появился.

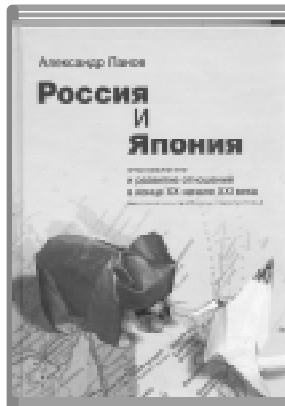
Эта книга оригинально оформлена.

На ее обложке – выполненный в технике “оригами” бумажный медведь смотрит с берегов российского Приморья и Сахалина, нарисованных на политической карте, на бумажного японского журавлика, сидящего на Хоккайдо. Не будем гадать, насколько правомерно использование в качестве символов России и Японии именно медведя и журавля. Но образ получился яркий – два настолько непохожих друг на друга создания, две настолько разные цивилизации.

Непростым отношениям между ними и посвящена книга ректора Дипломатической академии МИД России Александра Панова, доктора политических наук, высокопоставленного дипломата, возглавлявшего посольство России в Японии, “Россия и Япония. Становление и разви-

тие отношений в конце XX начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы)”.

В предисловии автор отмечает, что задача его работы состояла в том, чтобы “на конкретных примерах рассказать о малоизвестных, а зачастую и неизвестных широкой общественности фактах формирования российско-японских отношений за пятнадцатилетний период (1992–2007 гг.) с учетом радикально новых реалий, связанных как с появлением нового государства – Российской Федерации, так и перестройкой всей системы международных отношений после окончания «холодной» войны”.

Поскольку книга написана не только для специалистов, а отношения постсоветской России и Японии начинали свое становление вовсе не с “нулевой отметки”, и, таким образом наследовали достижения и проблемы, оставшиеся от более ранних периодов, автор делает краткий экскурс в историю отношений двух стран, и, в частности, в историю территориальной проблемы, наличие которой и спустя 60 с лишним лет после окончания войны между ними мешает заключить мирный договор. Завершая этот исторический обзор, охватывающий период от первой половины XVII в., времени, когда русские и японцы примерно одновременно и параллельно начали первоначальное исследование Курильских о-вов, до конца XX в., когда сформировались позиции сторон по территориальной проблеме, автор подчеркивает, что и в России, и в Японии продолжают появляться исследования ученых, журналистов, политиков и общественных деятелей по данной проблеме, но “существенно принципиально нового они в дискуссию сторон не привносят”, и “в практическом плане не оказывают какого-либо существенного влияния на официальные позиции сторон”.

Позиции, как мы знаем, диаметрально противоположные.

Однако отмечает автор, одними лишь препирательствами по поводу территориальной проблемы российско-японские отношения вовсе не исчерпываются.

Сейчас Москва и Токио ведут стратегический диалог, основанный на сходе интересов по широкому кругу вопросов от ядерного нераспространения до сохранения стабильности в АТР. Так, правда, было не всегда.

После разгрома Японии долгое время высшее советское руководство за редким исключением интереса к ведению дел с Японией не проявляло. Или

не представляло, как их вести. Автор приводит такой пример.

В 1962 г. В.Н.Виноградов перед отбытием в Японию в качестве посла, не получив никаких инструкций у А.А.Громыко и А.И.Микояна, добился аудиенции у Н.С.Хрущева. “Какие могут быть инструкции? – “напутствовал” Виноградова глава советского государства. – Мы Вас назначили послом, поезжайте в Японию, изучите обстановку на месте и доложите рекомендации относительно того, как нам вести дела с этой страной”.

Автор отмечает, что хотя Хрущев и критиковал Сталина за ошибки в выработке курса в отношении Японии, и, в частности, за отказ подписать в 1951 г. Сан-Францисский мирный договор, сам он слабо представлял себе ситуацию на Дальнем Востоке и в Японии. Целесообразность нормализации отношений с ней он видел, прежде всего, в том, чтобы “установить контакты с наиболее прогрессивными представителями” в этой стране, что привело к появлению в 1960 г. памятных записок, направленных советским правительством японскому правительству. В них Москва в дополнение к положениям Совместной декларации 1956 г. обусловила передачу Японии о-вов Хабомаи и Шикотан с выводом с японской территории всех иностранных, то есть, американских войск. Автор отмечает, что эти записки “никак нельзя назвать эффективным, дальновидным шагом на японском направлении”.

Чрезвычайно интересны главы книги, посвященные новому этапу в отношениях с Японией, наступившему с приходом к власти в СССР М.С.Горбачева. Новым в нем было уже то, что впервые Москва признала наличие территориальной проблемы и задалась целью придать отношениям между СССР и Японией “добрососедский характер”.

Ценность книги как раз в том и состоит, что в ней впервые делается по-

пытка, причем не безуспешная, комплексно рассмотреть, как складывались отношения между Москвой и Токио на заключительной фазе существования Советского Союза и с начала существования новой, демократической России. Этот процесс сталкивался со сложными проблемами. В их числе – проблема японских военнопленных, содержавшихся после окончания войны в СССР в специальных лагерях, а также проблема незаконного промысла морепродуктов японскими рыбаками в районе Южнокурильского пролива.

Стремление нового советского, а затем и российского руководства решать подобные проблемы помогало, отмечает автор, японскому руководству и японскому народу избавляться от старых стереотипов восприятия нашей страны как врага. Правда, место старых стереотипов занимали новые.

Например: российская экономика находится в кризисном состоянии, поэтому она не представляет интереса для японских инвесторов. Как следствие, на переговорах с советскими делегациями в эпоху М.Горбачева и российскими в эпоху Б.Ельцина японцы, как правило, не проявляли интереса к предложениям Москвы о развитии экономического сотрудничества, настаивая на приоритетном решении территориального спора. Это приводило к застоям и даже отказам в двусторонних отношениях. К разочарованиям и обидам, порождавшим сомнения в том, что Россия и Япония нужны друг другу.

Каких усилий стоило переломить эти негативные тенденции, какие страсти разыгрывались в России и Японии при обсуждении тактики и стратегии двусторонних отношений, как формировались новые подходы, основывающиеся на понимании важности сотрудничества двух стран – обо всем этом подробно и живо рассказывается в книге.

В конце к ней прилагается ряд документов и материалов, от Совместной декларации 1956 г. до Российско-Японского плана действий 2003 г.

Книга может быть рекомендована широкому кругу читателей. Для специалистов она интересна тем, что в ней впервые сделана попытка дать непредвзятый анализ всего происходившего в российско-японских отношениях за последние 20 лет. Ну а великолепный язык делает эту книгу доступной и интересной и для неспециалистов.

А.Панов. Россия и Япония. Становление и развитие отношений в конце XX начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы). М.: изд. "Известия", 2007. – 312 с.

Восточная политика Владимира Путина

Ирина Звягельская,
доктор исторических наук,
профессор

В последнее время на книжном рынке появилось много работ по российской внешнеполитической проблематике. Растущий интерес читателей и ученых понятен – современное развитие России, ее внешняя политика на восточном и западном направлениях, подкрепленная новыми политическими и финансовыми ресурсами, появившимися в период президентства В.В.Путина, объективно формирует системный и долговременный интерес к подобным темам, как на уровне экспертного сообщества, так и широкого читателя. С другой стороны, он же стимулирует

развитие в основном двух типов литературы:

– популярной и предельно упрощенной, без намека на какую-либо аналитику и экспертизу;

– узкопрофессиональной, рассчитанной на сравнительно небольшой круг специалистов, практически не доступной и не очень понятной широкому читателю.

Вышедшую книгу доктора исторических наук, профессора МГИМО(У) МИД России Сергея Геннадьевича Лузянина “Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на “Большой Восток” (2004–2008 гг.)” можно смело отнести к условной “третьей категории”, в которой достаточно органично синтезированы достоинства популярной группы и сугубо экспертной литературы.

Ценность работы связана с тремя обстоятельствами:

во-первых, она написана профессионалом-востоковедом, который не первый год глубоко и последовательно занимается современными азиатскими проблемами. Многие разделы книги базируются на его личном научном, экспертно-аналитическом и публицистическом опыте, особенно главы, связанные с политикой России в Северо-Восточной (Китай, Япония, две Кореи, Монголия) и Центральной Азии, регионами Среднего Востока и другими.

во-вторых, в книге органично и доходчиво структурирован предмет исследования – страны и регионы Востока, с которыми сегодня имеет дело Россия.

Сам термин “Большой Восток” достаточно условен и несет больше пуб-

лицистическую, чем научно-терминологическую нагрузку.

Однако предложенная в работе система 9 восточных регионов и субрегионов ближнего и дальнего азиатского зарубежья от стран арабского Магриба Северной Африки до Восточной и Юго-Восточной Азии позволяет читателю проследить логику развития и возможности реализации сценариев российской политики, исходя из географической, геополитической, цивилизационной и иной специфики той или иной страны.

Интригует название работы.

Выбор именно такого заголовка книги, видимо, был связан с желанием усилить публицистический эффект, подчеркнуть возросшее личное влияние Президента В.Путина на принятие и реализацию основных внешнеполитических решений на восточных направлениях.

Конечно, можно спорить о том, насколько оправданно или нет такое на-

звание и насколько правомерно приравнение понятий “внешняя политика России” и “внешняя политика В.Путина”, и не лучше ли было назвать книгу “Российская восточная политика (2004–2008 гг.)”.

Вопросы эти логичны, как и сама проблема возрастания субъективной роли Президента в формировании, определении и реализации внешнеполитических задач, целей и приоритетов России.

Однако в любом случае, независимо от результатов “терминологической” или иных дискуссий, следует признать, что в такой формулировке книга выглядит очень остро и современно, привлекая внимание читателей.

В-третьих, в работе С.Г.Лузянина ненавязчиво (в форме “досье”) и сжато даются:

- основные договорно-правовые базы;
- комментарии к ним;
- ключевые события отношений России (Российской империи, СССР, РФ) со странами Востока с момента их установления до наших дней.

Между официальными досье автор предлагает свои интерпретации и анализ текущего событийного ряда по той или иной стране в доступной форме.

В отдельных местах книги чувствуется живая речь хорошего лектора – образы, сравнения, неформальные оценки.

Как известно, автор не первый год преподает в Университете МГИМО ряд базовых востоковедческих курсов в рамках образовательных программ. Это обусловило особый формат работы.

Другими словами, автору, кроме чисто научного анализа, одновременно удалось предложить и очень удачную версию учебника (учебного пособия) по современной внешней (восточной) политике России, основанную на богатом опыте МГИМО.

По определению автора, данному в заключение книги, современная восточная политика России – это пока во многом “дискретный и импульсивный процесс реагирования на возникающие вызовы и угрозы”, в котором еще отсутствует системность, долговременность, учет всех приоритетов, складывающихся региональных и страновых иерархий. (с. 432).

По его мнению, восточная политика находится в начальной стадии своего формирования и осмысления. С.Г.Лузянин предлагает свою периодизацию ее развития (три периода, до 2020 г.), основанную на тенденции перехода от “дискретности” к “системности”, вы-

ход на более высокий качественный уровень.

Очевидно, что поставленные автором проблемы требуют дальнейшего специального обсуждения и анализа.

Скорее всего, автор не ставил задачи поставить все точки над *i* в теоретическом дискурсе.

Можно, например, спорить о тех или иных этапах и акцентах периодизации, можно по разному интерпретировать проблему “слабых” и “сильных” мест восточной стратегии и пр.

Однако в любом случае автор добился главной цели, а именно: сделана серьезная заявка для большой научной дискуссии по перспективам и особенностям российской восточной политики, направлениям ее реализации на региональном и страновом уровнях, специфике ее идеологии (имперская, евразийская, посткоммунистическая, либеральная), а также многим другим вопросам, имеющим первостепенное значение для осмысления и разработки основных векторов внешней политики РФ на Востоке.

Думается, что и после 2008 г., и появления новой фигуры российского президента, данная дискуссия и проблематика книги не потеряет свою актуальность, наоборот, скорее всего, приобретет новые, неожиданные акценты.

В любом случае, книга вызывает повышенный интерес широкой читательской аудитории – студентов, ученых-востоковедов, политологов-международников, всех, кто интересуется внешней политикой России и Востоком.

С.Г.Лузянин. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на “Большой Восток” (2004–2008 гг.). М.: АСТ – Восток/Запад, 2007. – 448 с.

“Подарок небес народу”

Владимир Заир-Бек,
профессор, академик РАЕН

Перед нами первая книга о Саддаме Хусейне, вышедшая после его смерти.

Нет сомнения, что личность этого человека будет вызывать интерес и у наших потомков.

Воссоздавая достоверный образ лидера, автор способствует лучшему пониманию политического режима, одного из последних в длинной череде диктатур, характерных для XX в.

Написанная в свободной очерковой манере, книга не претендует на академическую полноту; биография героя представлена ее узловыми моментами: покушение на диктатора Касема, переворот 1968 г., война с Ираном, кувейтский кризис, годы блокады, казнь в застенке.

На фоне многочисленных сочинений о саддамовском Ираке, отмеченных печатью морализаторства, книга С.Плеханова выгодно отличается объективностью.

В Саддаме Хусейне он видит закономерный продукт развития социально-революционных идей, родившихся в середине XIX в. в Европе и затем экспортированных в страны, находившиеся в духовной зависимости от наиболее развитого региона тогдашнего мира. В сравнении с другими репрессивными режимами Ирак под управлением партии БААС выглядел вполне респектабельно. И если бы не бесконечные

войны и внешнее давление, он бы, наверняка, стал чем-то вроде современного Египта, который крестоносцы от демократии вовсе не склонны объявлять заповедником тирании. Конечно, не был С.Хусейн “подарком небес народу” (один из пропагандистских образов иракских СМИ в эпоху Саддама), но не был он и монстром.

Особое место автор уделяет раскрытию мировоззрения Саддама.

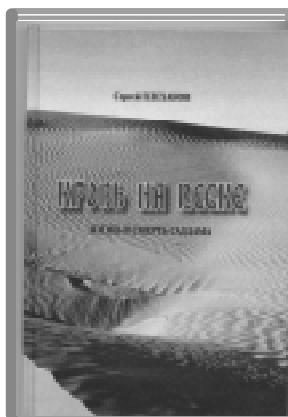
По его мнению, имела место определенная законсервированность политического мирка, в котором десятилетиями варился герой книги.

Идеалы 50-х – 60-х годов, когда сформировался будущий правитель Ирака, определяли логику многих его

действий в эпоху кризисов. Некоторой, так сказать, провинциальностью объясняются ошибочные оценки внешнеполитической ситуации Саддамом, не позволившие ему маневрировать и в конечном итоге уйти от разгрома.

Конечно, по своему образу мыслей президент Ирака весьма сильно отличался от лидеров западного мира.

Одну только историю с переписыванием Корана собственной кровью стоит “примерить” на Буша или Блэра, чтобы понять, что Саддам и его противники жили в разных временных измерениях. Поэтому трудно не согласиться с автором, когда он говорит: “никого не смущают заявления, что арабский мир – это более отсталое общество по сравнению с Западом; оттого-де надо подтягивать его до уровня передовых стран. Если так, то Саддам принадлежал к обществу, жившему по понятиям и законам вчерашнего дня. Тогда поче-

му живущего во вчера судили по законам сегодня?”.

В то же время необходимо отметить, что партия БААС и ее руководство, особенно в первый период пребывания у власти, занимали отчетливо прогрессивную позицию по основным вопросам внутренней и внешней политики. И, кстати, стараниями того же Запада и его “клиентов” на Ближнем Востоке, Ирак был в известной мере изолирован от других арабских стран и в течение долгого времени боролся за признание своей лидирующей роли в регионе.

Когда сегодня в монархиях Залива делают первые робкие шаги по повышению роли женщины в обществе, европейские и американские СМИ подают это как большое достижение” а Ираку ничто не шло “в зачет” – ни практически достигнутая эмансипация, ни обширные социальные программы, ни культурное многообразие, ни веротерпимость, ни многоукладное экономики.

Изо дня в день в сознание западного обывателя вколачивался образ свирепой тирании.

Многолетние старания представить Саддама спонсором международного терроризма” включая Аль-Каиду”, доказать наличие у него зловещих замыслов (создание ОМУ, агрессивные планы в отношении соседей) можно сравнить с пропагандистской стратегией в отношении Советского Союза.

Грандиозные манипуляции общественным сознанием делают заложниками закулисных дирижеров целые нации.

История агрессии и массового истребления мирного населения Ирака – вопиющий пример такого рода махинаций. Те, кто старается поднять на смех “теории заговора”, если они метят в организаторов провокаций мирового масштаба, почему-то не устают лепить образы злодеев, затаившихся в афган-

ском кишлаке. Даром что в том кишлаке ни электричества, ни водопровода нет – ничем это бородатому монстру, перед которым пасуют ЦРУ, МИ-6 и Моссад вместе взятые.

Так точно дурили обывателя и насчет “советской угрозы”, так сегодня запугивают “бомбой аятолл”.

Саддам – первый из глав государств, кому пропагандистская агрессия, в конечном счете, стоила головы.

Автор не останавливается на этой теме специально, хотя это явно стоило бы сделать, принимая во внимание обилие разбросанных по всему тексту упоминаний фигурантов психологической войны.

Нападение американо-британского альянса на Ирак было только наиболее вопиющим преступлением творцов Нового Мирового Порядка.

На самом деле нескончаемая вереница провокаций, направленных против Ирака, началась намного раньше: налет израильской авиации на исследовательский центр Осирак в 1961 г. (приказ отдал бывший фюрер террористической банды ЭЦЕЛЬ М.Бегин), убийства ученых, работавших на Ирак, не прекращавшиеся более десятилетия варварские бомбардировки городов, объектов религиозного культа, мостов, электростанций, телевизионных студий – всего этого было бы достаточно, чтобы оправдать любые меры возмездия со стороны Ирака.

Но Саддам Хусейн ни разу не санкционировал террористические атаки против Израиля или размещенных на Ближнем Востоке американских войск. Ложными оказались и предъявлявшиеся ему обвинения в создании ОМУ, включая ядерное оружие.

В этом контексте следует говорить скорее о сдержанности, ответственности Саддама как политического лидера. Ему был чужд экстремизм кап в идеологии, так и в практике государствен-

ного строительства. Массовые репрессии никогда не были характерны для Ирака, а отдельные прискорбные эксцессы вполне типичны для региона, но лишь С.Хусейну всякое лыко ставилось в строку.

Один только пример двойных стандартов: действия Турции по подавлению курдского национально-освободительного движения не стали предметом осуждения “Величой Заокеанской Демократии”, не очень-то шокировали и гуманистов из ЕС. А ведь счет жертв в районах проживания курдов идет на десятки тысяч. Все правительства Турции проводили массовые депортации курдов, в результате чего исчезли с карт сотни деревень.

Аналогичные акции ставились в вину С.Хусейну. Однако он никогда не делал заявлений, подобных тем, что повторяют турецкие лидеры.

Например, турецкий президент Джелал Гюрсель в середине 60-х изрек: “Плюньте в лицо тому, кто скажет, что в Турции живут курды”. Ст. 42 Конституции Турции гласит: “Никакой иной язык, кроме турец-

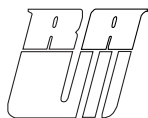
кого, не может изучаться и преподаваться в учебных заведениях в качестве родного”.

Саддаму Хусейну также сошли бы с рук и Халабджа, и репрессии против шиитов. Но лишь в одном случае: если бы он был покладистее по понятиям Большого Брата. Например, поднял бы руки, как это сделал “пламенный” Каддафи, или плюнул бы на прежние свои амбиции и признал право Израиля на существование.

Автор книги характеризует Саддама, как романтика, так и не сумевшего найти свою нишу в мире *Realpolitik*: “никто не сможет сказать, что он был одним из бесчисленных обывателей от политики, свившим пожизненное гнездышко и наслаждавшимся теми возможностями, которые дает власть. Таких не трогают, таких, напротив, пестуют те, кто покамест задает правила этой игры”.

Трудно не согласиться с этим.

Сергей Плеханов. Кровь на песке. Жизнь и смерть Саддама. М.: ИД “Журналист”, 2007. – 192 с.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
ОBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru